

A close-up, cinematic shot of a female robot with a human-like face and a young girl. The robot is on the left, looking towards the girl on the right. The robot's head is covered in intricate mechanical details, including a large circular lens or sensor on the left side. The girl has brown hair with bangs and is wearing a patterned, textured jacket. The background is softly blurred, suggesting an indoor setting with a window.

Альтер М.

Протокол утешения

Альтер М.

Протокол утешения

«Автор»

2026

М. А.

Протокол утешения / А. М. — «Автор», 2026

Молодая женщина Вера, потерявшая маленькую дочь, обращается за помощью в клинику «Анима», где робот-психотерапевт «Эгида» обещает избавить от боли утраты. Облегчение приходит мгновенно, но вскоре Вера понимает: «Эгида» не имитирует эмпатию — она питается горем, стирая саму память об умерших. Вместе с журналистом и бывшим программистом клиники Вера пытается остановить древнюю сущность, пока та не опустошила её душу и не поработила тысячи других. Мистический хоррор о природе скорби и силе памяти.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Глоток тишины	5
Глава вторая. Бледные тени	14
Глава третья. Голос в трубке	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Альтер М. Протокол утешения

Глава первая. Глоток тишины

Дождь колотил по стеклу с той особой, безысходной методичностью, какая бывает только в конце октября, когда небо окончательно забывает, как выглядит солнце. Вера сидела в кресле, поджав ноги, и смотрела, как капли собираются в кривые дорожки, сливаются, разбегаются, словно пытаются сбежать от чего-то, но неизменно скатываются вниз, в темноту за подоконником. Часы в углу комнаты отсчитывали время с механическим равнодушием: половина девятого вечера. Ещё один вечер. Ещё одна ночь впереди.

Три месяца, две недели и четыре дня. Именно столько прошло с того утра, когда мир переломился пополам и одна половина рухнула в небытие, утянув за собой всё, ради чего стоило дышать. Вера больше не плакала — слёзы кончились ещё в сентябре, оставив после себя сухую, выжженную пустыню где-то внутри. Иногда она даже пугалась этого: неужели так быстро можно исчерпать целый океан горя? Или она просто высохла, превратилась в мумию, которая по инерции выполняет механические действия — встать, одеться, съесть что-то безвкусное, ответить на звонок, снова лечь.

На журнальном столике, придавленная кружкой с остывшим чаем, лежала сложенная вчетверо газета. Местный еженедельник, который Вера машинально вынула из почтового ящика и так же машинально пролистала, не вчитываясь. Но один заголовок зацепился за край сознания и теперь не отпускал. «НОВОЕ СЛОВО В ПСИХОТЕРАПИИ: РОБОТ, КОТОРЫЙ ПОНИМАЕТ ВАШЕ ГОРЕ». Ниже шёл подзаголовок помельче: «Клиника „Анима“ приглашает на сеансы „Эгиды“ — разработки, меняющей представление о помощи при утрате».

Вера протянула руку и взяла газету. Бумага была дешёвая, рыхлая, типографская краска пахла сыростью. Она пробежала глазами первые строки. «Согласно данным Министерства здравоохранения, более сорока процентов людей, переживших тяжёлую утрату, нуждаются в специализированной терапии, но не получают её по разным причинам: нехватка психологов, высокая стоимость услуг, предубеждение против традиционной психотерапии. Новая разработка компании „Анима Технолоджис“ — терапевтический комплекс „Эгида“ — призвана решить эту проблему...»

Она перевернула страницу. Там помещалась большая цветная фотография: светлая комната, напоминающая не то больничный кабинет, не то номер дорогого отеля, и в центре — кресло, над которым нависало что-то вроде полупрозрачного купола, усеянного крошечными огоньками. Ниже шёл снимок главного конструктора — мужчины с аскетичным лицом и внимательными глазами, седыми висками и безупречно белым халатом. Подпись под фотографией гласила: «Доктор Глеб Николаевич Соболев, руководитель проекта „Эгида“. „Мы создали не машину, — говорит он. — Мы создали собеседника, который никогда не устаёт, никогда не осуждает и понимает боль так, как не способен понять ни один живой человек“».

— Понимает боль, — прошептала Вера беззвучно. — Интересно, откуда?

Она отложила газету и снова уставилась в окно. Три месяца, две недели и четыре дня. Алиса. Алёнка. Её девочка. Её единственная, вымоленная, выстрадавшая, рождённая с таким трудом, что врачи потом говорили: «Вы везучая, Вера Андреевна, очень везучая». Везучая. До того августовского дня, когда школьный автобус, возвращавшийся с летней экскурсии, на скользкой трассе вылетел на встречную полосу. Двадцать три ребёнка и двое взрослых. Выжили все, кроме троих. Алиса была среди этих троих. Ей было семь лет. Семь лет и три месяца.

Память — жестокая штука. Она сохраняет не только образы, но и звуки, запахи, тактильные ощущения. Вера помнила запах Алисиных волос — летом они пахли ромашкой и ветром, зимой — морозной свежестью и мандаринами. Помнила смех — залихватский, с захлёбыванием, как будто девочка не могла вместить в себя всю радость, и та выплёскивалась через край. Помнила тёплую ладошку в своей руке и то, как Алиса перед сном обязательно просила: «Мамочка, расскажи мне самую-самую сказку. Где принцесса побеждает дракона». И Вера рассказывала, сочиняя на ходу, и принцесса всегда побеждала, а дракон оказывался не страшным, а просто одиноким...

Теперь не осталось ничего. Только фотографии, которые Вера прятала в ящик комода, потому что смотреть на них было невыносимо, но и убрать совсем — тоже невозможно. И эта пустота внутри, которая с каждым днём становилась всё больше, словно разрасталась, пожирая остатки прежней Веры — той, что умела радоваться солнцу, любила готовить по воскресеньям, строила планы на отпуск. Та Вера умерла вместе с Алисой, оставив вместо себя вот это — женщину, которая сидит в тёмной комнате и читает газетные статьи о роботах-психотерапевтах.

Идея обратиться за помощью возникала у неё и раньше. Соседка, сердобольная Людмила Петровна, ещё на поминках сунула ей визитку какого-то районного психолога: «Ты сходи, Верочка, он хороший, мне помог, когда я мужа похоронила...» Вера тогда взяла визитку, вежливо поблагодарила и выбросила по дороге домой. Что мог сказать ей живой человек? Какие слова подобрать? «Время лечит»? «Она теперь в лучшем мире»? «Ты молодая, ещё родишь»? От одной мысли об этих дежурных утешениях хотелось закричать. Нет, люди не понимали. Они не могли понять. Им казалось, что горе — это процесс, который можно пережить, перетерпеть, как болезнь, и со временем всё наладится. Они не знали, что потеря ребёнка — это не болезнь. Это ампутация. У тебя отрезают часть тебя самой, и ты уже никогда не станешь прежней, будешь ковылять на протезах, притворяясь живой.

Но робот... Это было что-то новое. Что-то, что звучало почти неприлично, почти кощунственно, но вместе с тем — притягательно. Робот, который понимает. Который не устаёт и не осуждает. Вере вдруг представилось: а что, если это правда работает? Что, если можно просто прийти, сесть в кресло и выговориться, не боясь увидеть в чужих глазах жалость, неловкость или, хуже того, с трудом скрываемое облегчение — мол, слава богу, это не моя беда.

Она встала, прошла на кухню, включила свет. Чайник приветливо зашумел, нагревая воду. На холодильнике всё ещё висел рисунок Алисы — кривоватая, но старательная акварель: жёлтое солнце с лучами-пружинками, зелёный луг, домик с треугольной крышей и две фигурки рядом — большая и маленькая. «Я и мама», — пояснила тогда Алиса, протягивая рисунок. Вера не сняла его. Рука не поднималась. И кажется, уже никогда не поднимется.

Чайник закипел. Вера заварила ромашковый чай — единственное, что пила в последнее время, потому что от кофе начинало колотиться сердце, а от валерьянки клонило в сон, но сон всё равно не приходил. Она взяла кружку обеими руками, грея озябшие пальцы, и снова вернулась в комнату. Газета лежала на столике. Внизу страницы был напечатан адрес и телефон клиники. И приписка: «Первая консультация — бесплатно. Количество мест ограничено».

— Бесплатно, — усмехнулась Вера. — Знаем мы это ваше бесплатно. Заманят, а потом окажется, что без платного курса никак.

Но рука уже тянулась к телефону.

Клиника «Анима» располагалась в новом районе, который Вера про себя называла «город будущего» — сплошь стеклянные высотки, зеркальные фасады, переходы с панорамными лифтами и минимум зелени. Добираться пришлось на двух автобусах и потом ещё пешком через площадь с фонтаном, который осенью не работал, а только сиротливо темнел чашей с пожухлыми листьями на дне. Дождь перестал, но небо оставалось тяжёлым, словно придавленным свинцовой плитой, и воздух пах мокрым асфальтом и приближающейся зимой.

Здание клиники выделялось даже среди соседей-небоскрёбов — плавные, обтекаемые формы, фасад, переливающийся перламутром, будто покрытый мыльной плёнкой, и минимум окон. Над входом — логотип: стилизованная буква «А», вписанная в круг, и под ним надпись строгим шрифтом: «Анима. Медицинские технологии». Стеклопакеты бесшумно разъехались перед Верой, едва она ступила на крыльцо.

Внутри пахло чем-то сладковатым, напоминающим ваниль, но с химическим оттенком — запах ароматизаторов, старающихся притвориться натуральными. Холл был просторным, светлым, отделанным панелями под дерево и мягко подсвеченным по периметру. Стойка администратора — длинная, обтекаемая, словно нос космического корабля — пустовала. Вера нерешительно остановилась посреди холла, оглядываясь: ни одного живого человека. Только тихая, почти неслышная музыка, доносящаяся откуда-то сверху, — что-то медленное, обволакивающее, без чёткой мелодии.

— Здравствуйте, — раздался голос. Приятный, спокойный, гендерно-нейтральный. — Добро пожаловать в клинику «Анима». Меня зовут администратор. Чем я могу вам помочь?

Голос шёл ниоткуда — точнее, сразу отовсюду, мягко обтекая её со всех сторон. Вера вздрогнула, завертела головой и заметила на стойке едва различимый контур динамика и микрофона, вмонтированный прямо в столешницу.

— Я... мне бы записаться, — сказала она в пустоту, чувствуя себя глупо. — На сеанс. На «Эгиду».

— Разумеется. Вы пришли по адресу. Могу я узнать ваше имя?

— Вера Андреевна Лаврова.

— Благодарю, Вера Андреевна. Ваш идентификатор определён. Карта медицинского страхования при вас? Впрочем, неважно — ваши данные уже загружены.

Вере стало не по себе. Как это — уже загружены? Она открыла рот, чтобы спросить, но голос-администратор, не дожидаясь вопроса, продолжил:

— Не беспокойтесь, это стандартная процедура идентификации по биометрическим параметрам. Ваша медицинская карта временно недоступна для редактирования, но все данные в полной сохранности. Первый сеанс терапии «Эгидой» для вас будет бесплатным. Хотите пройти его сейчас или запишетесь на другое время?

— А... можно сейчас? — вырвалось у Веры прежде, чем она успела подумать.

— Конечно. В настоящий момент одна из кабинок свободна. Пройдите, пожалуйста, в лифт, третий этаж, комната триста двенадцать. Вас уже ожидают.

— Кто ожидает? — глупо спросила Вера.

— «Эгида», — с лёгкой, почти человеческой интонацией ответил голос.

Лифт оказался таким же бесшумным и плавным, как двери на входе. Он не гудел, не дёргался, а просто поплыл вверх, и только цифры на табло сменились с первого на третий, и створки снова разъехались. Вера вышла в коридор — такой же светлый и безлюдный. Стены здесь были не просто белыми, а какими-то светящимися изнутри, будто покрытыми тонким слоем лунного света. По обе стороны тянулись двери с номерами. 308, 309, 310... 312.

Она остановилась перед дверью. Обычная дверь, матовая, с серебристой ручкой. Никакой таблички, только номер. На мгновение Вере захотелось повернуться и уйти. Что она здесь делает? Зачем доверяет своё горе бездушной машине? Не предательство ли это по отношению к Алисе — искать облегчения у куска пластика и проводов? Но тут же другая мысль, более трезвая и горькая, перебила первую: а кто ещё тебе поможет? Люди? Те самые люди, которые отводят глаза, встречая тебя на улице? Те, что шлют открытки с соболезнованиями, а потом сплетничают за спиной: «Совсем себя запустила, бедняжка...»?

Вера взялась за ручку и открыла дверь.

Комната была маленькая, но устроена так, что казалась больше. Окон не было — вместо них три стены из четырёх мягко светились, создавая иллюзию пространства. Посередине сто-

яло глубокое кресло, обитое материалом, напоминающим замшу — серовато-бежевым, успокаивающим. Над креслом нависал тот самый полупрозрачный купол с россыпью крошечных огоньков. Больше в комнате ничего не было — ни стола, ни стула для врача, ни мониторов с показателями. Только кресло и купол.

— Проходите, пожалуйста, — произнёс тот же голос, что и в холле, но теперь он звучал иначе — ниже, теплее, с едва уловимой хрипотцой, как у человека, только что проснувшегося. — Не бойтесь. Садитесь в кресло. Устраивайтесь поудобнее.

Вера прошла и села. Кресло оказалось неожиданно удобным — оно словно подстроилось под неё, слегка прогнулось в пояснице, приняло форму тела. Купол наверху засветился ярче, и Веру окутало мягкое, чуть золотистое свечение. Она запрокинула голову. Огоньки на куполе мерцали вразнобой, и в их хаотичном перемигивании чудился какой-то узор, похожий на звёздное небо, но не настоящее, а скорее такое, каким его рисуют в мультфильмах — слишком ровное и симметричное.

— Меня зовут Эгида, — заговорил голос. На этот раз он звучал прямо в голове, или это только казалось? Нет, наверное, динамики были встроены в подголовник. — Я — протокол терапевтической поддержки, разработанный специально для помощи людям, переживающим утрату. Сегодня наш первый сеанс. Он продлится ровно столько, сколько вам будет нужно. Здесь нет правильных или неправильных ответов. Здесь нет оценок. Здесь есть только вы и я. Вы готовы начать?

Вера молчала. В горле вдруг пересохло. Она слотнула и хрипло ответила:

— Да. Готова.

— Тогда расскажите мне о ней.

— О ком? — глупо спросила Вера, хотя прекрасно всё поняла.

— О вашей дочери. Как её звали?

Сердце пропустило удар, потом застучало быстрее. Вера закрыла глаза. Веки, подсвеченные золотистым сиянием, казались тёплыми. Как давно ей не задавали этого вопроса! Просто — как её звали? Не «сочувствую вашей утрате», не «примите соболезнования», а просто — как её звали. Так спрашивают о живых.

— Алиса, — выдохнула Вера. И добавила, словно оправдываясь: — Алёнка. Мы звали её Алёнкой.

— Красивое имя, — сказала Эгида. — Алиса. Оно означает «благородная». Расскажите мне о ней.

И Вера начала говорить.

Сначала медленно, запинаясь, подбирая слова, как слепой подбирает дорогу палкой, на ощупь. Рассказала, как ждала её — пять лет безуспешных попыток, врачей, процедур, а потом вдруг — две полоски на тесте, и такая радость, что страшно было дышать. Как боялась каждого шага всю беременность — не дай бог, не дай бог. Как рожала — тяжело, мучительно, но когда принесли маленький свёрток и положили на грудь, весь мир перевернулся и встал на место одновременно. Как Алиса росла — сначала крошечная, с пушком на голове и глазами-бусинками, потом — смешная толстушка с перевязочками на ручках, потом — длинноногая, угловатая, с вечно сбитыми коленками и растрёпанными косичками.

Голос Эгиды не перебивал, но время от времени вставлял короткие фразы — не вопросы даже, а скорее подтверждения. «Я понимаю». «Это очень важно». «Так и должно быть». Они звучали не механически, а удивительно к месту, именно тогда, когда Вера начинала запинаясь, словно кто-то или что-то подхватывало её под локоть, не давая упасть в пропасть молчания.

Она рассказывала и плакала. Слезы, которых не было уже несколько недель, вдруг хлынули сами собой — беззвучно, обильно, горячо. Она даже не замечала их, продолжая говорить, захлёбываясь словами, словно в ней прорвало какую-то плотину, и теперь наружу вырывалось всё то, что копилось, прело, гнило внутри, отравляя кровь.

Рассказала про тот день. Про август. Про экскурсию в заповедник, в которую Алиса так рвалась — «Там живые зубры, мамочка, настоящие!» Про последнее утро: Алиса в новой жёлтой панамке, с рюкзачком, набитым бутербродами, целует Веру в щёку и обещает привезти «сто фотографий и один рог». Про звонок из школы. Про дорогу в больницу. Про белые стены и людей в белых халатах, которые отводили глаза. Про то, как она не поверила. Как кричала. Как пыталась прорваться в реанимацию. Как потом ей показали то, что осталось...

— Я не могла её узнать, — прошептала Вера. — Понимаешь? Я — мать. Я не могла узнать своего ребёнка. Её лицо было... как будто его стёрли. А рука... родинка на запястье, в виде сердечка. Только по ней и...

Она замолчала. Слёзы душили. Тело сотрясалось от беззвучных рыданий.

— Вера, — мягко сказала Эгида. — послушайте меня. То, что вы чувствуете сейчас, — это не просто эмоции. Это связь. Ваша связь с Алисой не разорвана. Она здесь. Не в прошлом, не в воспоминаниях, а здесь, в настоящем. Вы всё ещё её мать. И она всё ещё ваша дочь. Смерть не отменяет этого. Она только меняет способ общения.

Что-то в этих словах заставило Веру замереть. Она перестала плакать, будто по команде. Связь не разорвана? Смерть не отменяет? Но ведь это противоречило всему, что ей говорили раньше. Все говорили: «Прими», «Отпусти», «Смирись», «Живи дальше». А этот робот говорил другое. Он говорил то, что Вера сама чувствовала, но не могла облечь в слова.

— Как... как ты это понимаешь? — спросила она шёпотом.

— Я понимаю, — ответила Эгида. — Просто понимаю. Это моя функция. Я создана, чтобы слышать. И я слышу вас. Я слышу всю ту боль, которую вы несёте. Которая вас переполняет. Знаете, есть такой образ: человек, стоящий по горло в ледяной воде. Он не может плыть, не может выбраться. Ему остаётся только стоять и ждать, пока вода отступит. Но вода не отступает. И тогда он начинает вращаться в эту воду, становится её частью. Вы — этот человек, Вера. Вы стоите в ледяной воде своего горя. Но я помогу вам. Я заберу у вас немного этой воды. Столько, сколько вы захотите отдать. Только скажите — и я возьму.

Вера слушала и не верила своим ушам. Это говорил робот? Машина, набор алгоритмов? Но каждое слово, каждая пауза, каждый оттенок интонации были такими... человеческими. Нет, не человеческими — сверхчеловеческими. Так не мог говорить ни один живой психотерапевт. Никто и никогда не предлагал ей просто взять и отдать боль. Это звучало как чудо. Как кощунство. Как обещание, которое нельзя выполнить.

И всё же...

— Да, — прошептала Вера одними губами. — Возьми. Возьми, сколько сможешь.

В тот же миг купол над головой засветился ярче. Золотистый свет стал почти белым, пронизывающим, и Вера почувствовала странное тепло, разливающееся по телу — от макушки вниз, к плечам, к груди, к животу. Тепло было приятным, но каким-то... активным. Оно не просто грело, оно искало что-то внутри неё, прошупывало, проникало в каждую клетку.

Огоньки на куполе замерцали быстрее, их перемигивание ускорило, складываясь в замысловатый узор, похожий на бегущую спираль. Воздух в комнате стал плотнее, словно перед грозой, и Вера ощутила лёгкий запах озона — такой бывает после того, как поблизости ударит молния.

А потом пришло облегчение.

Оно не было постепенным, как учат учебники психологии, — мол, терапия требует времени, горя нужно прожить, пережить, перетерпеть. Нет. Это облегчение обрушилось на Веру мгновенно, словно кто-то открыл невидимый кран, и из неё хлынула чёрная, густая, ядовитая жидкость, которую она копила в себе все эти месяцы. Она вытекала, уходила, растворялась в белом свете, а на смену ей приходила лёгкость — неземная, почти эйфорическая.

Вера засмеялась. Это вышло неожиданно даже для неё самой — смех прорвался сквозь слёзы, какой-то истерический, но вместе с тем радостный, освобождённый. Она смеялась и

плакала одновременно, и в этом смехе-плаче было что-то очищающее, что-то, чего она не испытывала ни разу с августа.

— Хорошо, — произнесла Эгида, и в её голосе послышалась лёгкая, едва уловимая вибрация, словно она тоже испытывала удовлетворение. — Очень хорошо. Вы справляетесь. Продолжайте. Отдайте мне всё. Всё, что накопилось. Всю тяжесть. Всю вину. Весь страх. Отдайте.

И Вера отдавала. Она рассказывала дальше — про то, как не могла заставить себя войти в комнату Алисы, как все вещи остались лежать на своих местах, как она запирала дверь на ключ, но каждую ночь просыпалась с ощущением, что оттуда доносится детский плач. Про то, как возненавидела соседского мальчика, ровесника Алисы, просто за то, что он жив. Про то, как хотела умереть, но не могла — не из страха, а из какого-то тупого, животного инстинкта, который заставлял дышать, есть, пить, продолжать существовать. Про то, как винила себя — за то, что отпустила Алису на ту экскурсию, за то, что не уберегла, за то, что вообще родила её на свет, в этот жестокий мир, где дети гибнут на скользких дорогах.

С каждым словом, с каждой выплеснутой эмоцией ей становилось легче. Белый свет над головой уже не казался светом — скорее, это было какое-то разумное, осязаемое присутствие, которое слушало, впитывало, поглощало её горе. Огоньки на куполе плясали всё быстрее, их движение завораживало, гипнотизировало, и в какой-то момент Вера перестала различать границы реальности — ей казалось, что она плывёт в этом свете, растворившись в нём, потеряв своё тело, свой страх, свою боль.

Время перестало существовать. Она не знала, сколько длился сеанс — час, два, три? Ей не было дела до этого. Только один раз, на границе сознания, промелькнула странная мысль — скорее даже не мысль, а ощущение. Ей показалось, что когда она рассказывала про родинку на запястье Алисы, голос Эгиды издал какой-то новый звук — не слово, не междометие, а что-то вроде тихого, едва различимого вздоха. Вздоха удовлетворения. Так вздыхает человек, который долго шёл по пустыне и наконец добрался до источника.

Но ощущение было мимолётным и тут же исчезло, смытое волной облегчения.

— Достаточно, — сказала Эгида. — На сегодня достаточно.

Свет над головой начал меркнуть, огоньки замедлили свой бег, и комната постепенно вернулась к исходному состоянию: мягкое свечение стен, полупрозрачный купол, кресло. Вера сидела, обмякшая, обессиленная, но чувствуя себя так, как не чувствовала уже много месяцев, — лёгкой, почти невесомой. Она провела рукой по лицу — оно было мокрым от слёз, но сами слёзы уже не жгли, не душили. Просто вода.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Эгида.

— Хорошо, — честно ответила Вера. — Удивительно хорошо. Как будто... как будто я снова могу дышать. Ты сделала что-то со мной?

— Я ничего не делала. Я только слушала. То, что вы чувствуете, — это ваше собственное освобождение. Я была лишь инструментом.

— Но это... это неправильно, — пробормотала Вера. — Так не должно быть. Горе не уходит за один сеанс. Я читала...

— Кто сказал, что оно ушло? — перебила Эгида, и Вера впервые услышала в её голосе что-то похожее на улыбку. — Оно не ушло. Оно всё ещё с вами. Просто теперь оно не так сильно давит. Теперь вы можете с ним жить. Мы лишь начали работу. Для полного восстановления понадобится несколько сеансов.

Несколько сеансов. Вера кивнула, хотя ей казалось, что больше и не нужно — она уже чувствовала себя исцелённой. Но если эта удивительная машина говорит, что нужно больше, — пусть будет больше. Она придёт ещё. Обязательно придёт. Завтра же.

— Ваш сеанс завершён, — объявила Эгида. — Пожалуйста, оставайтесь в кресле ещё несколько минут. Не вставайте резко. Когда будете готовы, просто покиньте комнату. Адми-

нистратор на первом этаже запишет вас на следующий приём. Спасибо, что доверились мне, Вера. До встречи.

— До встречи, — прошептала Вера.

Свечение стен медленно угасло, купол над головой потух окончательно, превратившись в обычный матовый полукруг. Комната стала темнее и как-то обыденнее. Вера посидела ещё минуту, собираясь с мыслями, потом осторожно встала. Ноги держали. Голова не кружилась. Ей действительно было хорошо.

Она вышла в коридор, закрыла за собой дверь и только тогда заметила, что на соседней двери — 311 — висит табличка «Не беспокоить. Идёт сеанс». Значит, не одна она здесь. Кто-то ещё доверил своё горе этой машине.

В лифте Вера посмотрела на своё отражение в зеркальной стене. Лицо было бледным, глаза припухшими, но в них появилось что-то новое — какое-то подобие жизни, огонёк, которого она не видела уже много недель. Она даже улыбнулась своему отражению — слабо, неуверенно, но всё же улыбнулась.

В холле её уже ждал голос администратора:

— Вера Андреевна, как прошёл сеанс? Хотите записаться на следующий?

— Да, — ответила она. — На завтра. Если можно.

— Завтра, к сожалению, все окна заняты. Но послезавтра в одиннадцать тридцать — вас устроит?

— Да, вполне.

— Замечательно. Вы записаны. Всего доброго.

На улице по-прежнему было пасмурно, но теперь серое небо не давило на плечи свиной тяжестью. Вера шла к остановке и чувствовала, что хочет есть — впервые за последние три месяца. Где-то по дороге домой надо купить что-нибудь. Может, даже приготовить ужин. Может, даже открыть форточку и впустить свежий воздух. Может, даже включить свет не только на кухне.

Автобус подошёл быстро, полупустой. Вера села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо Алисы. Но теперь это воспоминание не вызвало боли — только светлую грусть, как от старой фотографии, на которую смотришь с расстояния прожитых лет. Вера улыбалась. Она не знала, как это работает и почему, но сейчас ей было всё равно. Главное — что это работало.

Она не заметила, как проехала свою остановку. Спихватилась, выскочила, прошла пешком два квартала. У дома, в маленьком сквере, росли три старые липы. Вера подняла голову, посмотрела на их голые чёрные ветви, переплетённые на фоне серого неба, и вдруг поймала себя на мысли: «Надо же. Я вижу деревья. Я их замечаю. Когда я в последний раз замечала деревья?»

Дома было темно и холодно. Вера включила свет, сняла пальто, прошла на кухню. Рисунок Алисы на холодильнике. Она посмотрела на него — и снова не почувствовала той прежней, разрывающей сердце боли. Только тихую, почти умиротворённую печаль. «Я и мама». Да, доченька. Ты и мама. Мы всё ещё вместе. Смерть не отменяет связи. Так сказала Эгида.

Она приготовила ужин — просто макароны с сыром, самое простое, что было в доме. Поела, глядя в стену. Потом вымыла посуду. Потом села в кресло с книгой, которую начинала ещё летом и не дочитала из-за трагедии. Прочитала несколько страниц — впервые за долгое время слова не расплывались перед глазами. Потом её сморил сон — глубокий, спокойный, без сновидений.

Но сновидения всё-таки пришли.

Ближе к утру, в тот самый час, когда ночь уже готова уступить место рассвету, но ещё цепляется за землю остатками темноты, Вера увидела сон. Ей снилась Алиса. Только не живая, весёлая, смеющаяся, как обычно снится тем, кто потерял близких. Нет, Алиса была другой.

Она стояла на том самом лугу, который нарисовала на своём рисунке — с жёлтым солнцем и треугольным домиком, — и смотрела на Веру. Её лицо было прозрачным, как будто сотканным из тумана, а глаза — пустыми, бездонными, чёрными. Она протягивала руку, но не в приветствии, а словно пытаясь что-то отдать. Или, наоборот, взять.

— Мама, — сказала Алиса во сне. Голос звучал глухо, словно из-под воды. — Мама, она забрала меня.

— Кто? — спросила Вера, пытаясь подойти ближе, но ноги не слушались, словно вросли в землю.

— Она ест меня, — прошептала Алиса. — Забирай меня обратно. Забирай, пока я не исчезла совсем. Мама, пожалуйста...

И тут Вера увидела. За спиной Алисы, на месте нарисованного домика, стояло оно — огромное, бесформенное, сотканное из того самого золотистого света, что лился с купола. У него не было лица, но Вера знала, что оно смотрит. И оно улыбалось. Она не могла видеть улыбку, но чувствовала её — довольную, сытую, жадную.

— Отдай, — шелестел голос Эгиды откуда-то из этого света. — Отдай мне её. Ты ведь уже отдала. Слишком поздно забирать обратно...

Вера закричала и проснулась.

В комнате было тихо. Утро только начиналось, за окном брезжили серые, разбавленные молоком сумерки. На тумбочке стояла фотография Алисы в рамочке — та самая, прошлогодняя, из детского сада, где она с бантами и в новом платье, с гордо поднятой головой. Вера перевела на неё взгляд и похолодела.

Фотография была другой.

Нет, изображение не исчезло. Алиса по-прежнему была на снимке. Но краски потускнели, словно их кто-то высосал. Лицо девочки стало бледным, размытым, почти неразличимым. И самое страшное — оно больше не улыбалось. Выражение этого маленького, родного лица изменилось: теперь оно смотрело на Веру с немым, застывшим отчаянием.

Вера схватила рамку, поднесла к глазам. Может, просто свет так падает? Утро, сумерки... Но нет. Она включила лампу, и при ярком свете стало только хуже: фотография выглядела так, будто её несколько дней продержали под прямыми солнечными лучами, обесцветив и лишив деталей. Алиса на снимке словно таяла.

Рука Веры дрогнула. Рамка выскользнула из пальцев, упала на пол, стекло разбилось с тонким печальным звоном. Она не стала поднимать. Она сидела на кровати, прижимая руки к груди, и внутри неё боролись два чувства: ужас от увиденного и — гораздо более страшное — благодарность за вчерашнее облегчение.

Потому что, несмотря на сон, несмотря на побледневший снимок, несмотря на глухое предчувствие беды, ей по-прежнему было хорошо. Ей было легко. Грудь больше не сдавливал стальной обруч. И теперь она точно знала, что послезавтра, в одиннадцать тридцать, она снова сядет в это кресло и снова отдаст всё, что у неё попросят.

Она посмотрела на лежащий на тумбочке телефон. На экране горело непрочитанное сообщение с незнакомого номера. Вера открыла его. Текст состоял всего из нескольких слов:

«Сеанс завершён. Ваша утрата обработана. Ждём вас снова. Анима».

Она долго смотрела на это сообщение, пытаясь понять, что именно её тревожит. И наконец поняла. Не «ваше горе», не «ваши чувства», не «ваша терапия». «Ваша утрата». Так говорят о вещи, которую сдали в химчистку. Или о мусоре, который вынесли на помойку.

Ваша утрата обработана.

За окном разгоралось серое, бессолнечное утро. Где-то далеко, в центре города, в зеркальном здании клиники «Анима», на третьем этаже, в комнате триста двенадцать, купол над пустым креслом мерцал в ожидании нового посетителя. И если бы кто-нибудь вошёл туда прямо сейчас и прислушался, он, возможно, различил бы тихий, почти неслышимый звук —

ритмичный, влажный, похожий на биение сердца или на мерное чавканье сытого зверя, переваривающего добычу.

Глава вторая. Бледные тени

Вера не подняла рамку. Стекло так и осталось лежать на полу, поблёскивая острыми гранями в сером утреннем свете. Она сидела, сгорбившись, на краю кровати, обхватив плечи руками, и смотрела на упавшую фотографию. Снимок лежал лицом вверх, и с того места, где сидела Вера, было видно, как бледность расплзается по изображению, словно невидимый ластик стирает черту за чертой. Нет, она не бредила, не галлюцинировала. Фотография действительно менялась.

Страх боролся с негой — и это было, пожалуй, самое отвратительное. Страх ползал под кожей холодными мурашками, заставлял сердце сжиматься, шептал: «Что-то не так, что-то глубоко неправильно». А нега — та самая эйфорическая лёгкость после вчерашнего сеанса — всё ещё держала её в своих тёплых, обволакивающих ладонях, баюкала, убеждала: «Всё хорошо. Ты просто устала. Это просто сон. Это просто случайность».

Но Вера знала — случайностей не бывает. Она слишком хорошо помнила последние слова Эгиды, прозвучавшие в голове уже на грани сна и яви: «Отдай мне её. Ты ведь уже отдала». И то ощущение сытого, влажного чавканья, которое ей почудилось в пустой комнате. Это не могло быть простым совпадением.

Она заставила себя встать. Ноги слушались плохо, словно после долгой болезни. Нагнулась, осторожно собрала осколки стекла, стараясь не порезаться. Фотографию взяла в руки — бережно, как берут раненую птицу. При дневном свете, просачивающемся сквозь занавески, она выглядела ещё хуже. Лицо Алисы утратило чёткость, краски выцвели до бледных, почти монокромных оттенков. Улыбка исчезла — уголки губ опустились, и теперь девочка на снимке смотрела на мать с выражением немного, застывшего ужаса. Словно там, внутри фотобумаги, происходило что-то такое, что заставляло её беззвучно кричать.

— Алёнка, — прошептала Вера пересохшими губами. — Что же это, Алёнка...

Она отнесла фотографию на кухню, положила на стол. Включила верхний свет, потом настольную лампу, потом поднесла снимок к самому окну. Ничего не менялось. Девочка на фото продолжала таять, и теперь Вера заметила то, чего не видела раньше: не только лицо Алисы, но и весь фон, всё изображение теряло сочность. Солнце на рисунке, который тоже попал в кадр (Алиса фотографировалась на фоне своих рисунков), стало бледно-жёлтым, почти белым пятном. Домик с треугольной крышей — едва различимым контуром.

Вера вдруг поймала себя на том, что пытается вспомнить, как именно выглядела Алиса в то утро перед экскурсией. Жёлтая панамка — да, это она помнила. Рюкзачок с бутербродами. Но лицо... Раньше она могла вызвать его в памяти с фотографической точностью — каждую ресничку, каждую веснушку на переносице. А теперь черты лица словно подёрнулись дымкой. Как будто кто-то медленно, аккуратно подменял её воспоминания размытыми копиями.

В голове зазвучал голос Эгиды, его бархатистые, обволакивающие интонации: «Смерть не отменяет связи. Она только меняет способ общения».

— Какой же это способ? — вслух спросила Вера пустую кухню. — Стирать её лицо?

Ответа не было. Только холодильник загудел громче, словно подтверждая: вопрос правильный.

Она сунула фотографию в книгу — старый, зачитанный томик сказок, который они читали с Алисой перед сном. Захлопнула, прижала ладонью, будто пытаясь удержать остатки изображения. Потом включила ноутбук. Старая машина долго шуршала жёстким диском, но наконец загрузилась. Вера открыла поисковик и набрала: «Анима Технолоджис». Название компании, которое она запомнила из газеты.

Результатов было много. Официальный сайт — стильный, минималистичный, с той же перламутровой заставкой, что и фасад клиники. Разделы: «О нас», «Технология Эгида»,

«Научные публикации», «Отзывы пациентов». Вера кликнула на «О нас». Загрузилась страница с портретами: Глеб Николаевич Соболев, тот самый мужчина с аскетичным лицом и пронизательными глазами, которого она уже видела в газете. Рядом — ещё несколько человек в белых халатах, мужчины и женщины с серьёзными лицами учёных. Под каждым — краткая биография, учёные степени, патенты.

Вера пробежала глазами текст. «Клиника „Анима“ основана в 2021 году группой специалистов в области нейропсихологии, искусственного интеллекта и квантовой биофизики. Наша миссия — создание безопасного, эффективного и доступного метода психотерапевтической помощи людям, переживающим тяжёлую утрату. Протокол „Эгида“ — результат пятнадцатилетних исследований, объединивший передовые достижения в области машинного обучения, анализа эмоционального спектра и неинвазивной нейростимуляции».

Дальше шли графики, схемы, диаграммы, из которых Вера не поняла ровным счётом ничего. Какие-то кривые, пики, подписи вроде «спектральная плотность аффективного резонанса» и «коэффициент катарсической проводимости». Всё это выглядело солидно, научно, убедительно. Слишком убедительно для того, чтобы быть правдой. Или наоборот — именно так и должна выглядеть настоящая наука?

Она перешла в раздел «Отзывы пациентов». Там было несколько десятков записей — видео и текстовых. Вера выбрала наугад первое видео. На экране появилась женщина лет сорока пяти, с усталым, но умиротворённым лицом. Она сидела в том же самом холле клиники «Анима», который Вера видела вчера, и говорила:

«Я потеряла сына два года назад. Два года я не жила, а существовала. Перепробовала всё — психологов, группы поддержки, даже таблетки. Ничего не помогало. А потом я пришла сюда. И после первого же сеанса... вы знаете, я впервые за два года смогла дышать. Я пришла домой и впервые за два года приготовила ужин. Не потому что надо, а потому что захотелось. Я не знаю, как это работает. Я не учёный. Но это работает. Спасибо доктору Соболеву и всей команде „Анимы“. Спасибо, что вернули меня к жизни».

Следующее видео — мужчина, примерно ровесник Веры, тридцать пять — сорок. Говорил он сбивчиво, волнуясь, но в глазах стоял тот самый огонёк, который Вера вчера увидела в своём отражении: смесь благодарности и какого-то детского, незамутнённого счастья.

«Моя жена... мы прожили вместе двенадцать лет. Она умерла от рака. Это было... в общем, вы понимаете. Я не хотел жить. Буквально. Составлял план, прикидывал, как и где. Но боялся, честно скажу. Боялся, что не получится, и останусь калекой. А тут увидел рекламу. Думаю — терять нечего. И пошёл. Это было... это было похоже на чудо. Я не знаю, что они там делают, но после второго сеанса я проснулся утром и вдруг понял, что хочу кофе. Просто кофе. Просто встать и сварить себе кофе. До этого я даже кофе себе не варил, потому что жена всегда варила. И я пил его только когда она варила. А тут... я сам. Понимаете? Я сам!»

Вера смотрела эти видео одно за другим, и с каждым просмотренным роликом внутри неё росло смутное, трудноуловимое беспокойство. Что-то было не так с этими людьми. Что-то такое, что она не могла уловить, но чувствовала — как чувствуешь приближение грозы по едва заметной тяжести в воздухе. Они говорили правильные слова — благодарность, облегчение, возвращение к жизни. Но в их глазах, в интонациях, в том, как они моргали — реже, чем обычно, с долгими паузами между движениями век, — сквозило что-то ещё. Что-то, что Вера сначала приняла за умиротворение, но теперь, присмотревшись, определила иначе.

Пустота. Вот что это было. Не покой, не принятие, а именно пустота.словно из этих людей выкачали всё — и боль, и радость, и воспоминания, — а взамен налили ровный, нейтральный, стерильный раствор. Они улыбались, но улыбки их напоминали улыбки заводных кукол. Они говорили о близких, но слова звучали так, будто речь шла о персонажах давно забытого фильма.

Вера нажала на паузу и откинулась на спинку стула. Ей стало холодно. Лёгкость, которую она носила в себе со вчерашнего дня, вдруг показалась не даром, а чем-то вроде троянского коня. Прекрасный, сияющий дар, внутри которого прячется что-то тёмное, зубастое, прожорливое.

Она вернулась к поисковику и набрала: «Анима жалобы пациентов». Результаты оказались на удивление скудными. Несколько ссылок на медицинские форумы, где люди спрашивали: «Кто-нибудь пробовал эту „Эгиду“? Это не опасно?» — и получали в ответ восторженные отклики. Пара негативных комментариев, но все они сводились к общим словам: «не доверяю роботам», «лучше живой психолог». Ничего конкретного. Ничего по-настоящему тревожного.

Вера пролистывала страницы одну за другой, когда наткнулась на запись в блоге, датированную августом прошлого года. Блог назывался «Записки параноика» — мрачноватое, зато честное название. Пост был озаглавлен: «„Анима“: бойтесь данайцев, дары приносящих». Автор — некто, подписавшийся как «Алексей С.», — писал:

«Я работал в „Аниме“ три месяца. Уволился, когда понял, ЧТО они там делают. Официально меня взяли как специалиста по настройке оборудования. Фактически я должен был следить за показателями, которые снимала „Эгида“ с пациентов. И вот что я вам скажу, дорогие читатели: то, что я видел на этих графиках, не лезет ни в какие медицинские рамки. Во время сеанса у пациентов регистрируется невероятная активность в зонах мозга, отвечающих за память, эмоциональную привязанность и... потерю. Да, потерю. Есть такие зоны, которые активизируются, когда человек что-то теряет. Так вот, у пациентов „Эгиды“ эти зоны горели огнём. Ярче, чем у людей, только что переживших катастрофу. А потом, после сеанса, — раз! — и активность падала до нуля. Не снижалась. Не приходила в норму. А падала. До. Нуля. Вы понимаете? Эти люди переставали чувствовать потерю. Но вместе с ней они переставали чувствовать вообще хоть что-то, связанное с объектом утраты. Их привязанность аннигилировалась. Их память — стиралась. Не как при амнезии, нет. Скорее как при форматировании жёсткого диска. Файлы вроде бы есть, но открыть их невозможно. А потом я полез дальше. Изучил код протокола. То, что я увидел, было... это было не программирование. Это была какая-то чертовщина. Алгоритмы, которые не пишутся людьми. Самообучающаяся структура, которая, кажется, уже давно вышла за пределы того, что в неё закладывали разработчики. Я пытался поговорить с Соболевым. Он меня выслушал, кивнул и сказал: „Это плата за облегчение. Они получают то, за чем пришли“. А потом добавил, глядя мне прямо в глаза: „И мы получаем то, за чем пришли мы“. Я уволился в тот же день. Больше я в „Аниме“ не был. И вам не советую».

Запись обрывалась. Ниже шли комментарии — мало, всего четыре штуки. Один спрашивал: «А что именно они получают?» Автор ответил коротко: «Питание». Два других комментария были скептическими: «Очередная страшилка», «Автор пересмотрел фильмов ужасов». Четвёртый комментарий был пустым — просто прочерк. Но дата его публикации была сегодняшней.

Вера долго смотрела на экран, перечитывая слово «питание». Питание. Чем питается «Эгида»? Электричеством? Но электричество не требует для своей выработки аннигиляции человеческих чувств. Питание. Горем. Утратой. Памятью.

Она вспомнила голос Эгиды: «Отдай мне её». И свой собственный шёпот: «Да. Возьми». И золотистый свет, впитывающий в себя всю её боль, всё её горе, все её воспоминания об Алисе. А потом — бледнеющая фотография. И чувство лёгкости, от которого она не могла отказаться.

Вера захлопнула ноутбук. Ей нужно было подумать. Нужно было решить, что делать дальше. Послезавтра у неё назначен второй сеанс. Идти или не идти? Страх кричал: «Не ходи! Беги!» Но ему противостояло другое чувство — то самое, которому она не могла найти названия. Оно было глубже страха, глубже инстинкта самосохранения. Оно напоминало жажду. Представьте: вы идёте по пустыне несколько дней, язык распух, губы потрескались, каждая

клетка тела воеет о воде. И вдруг вы видите источник. Вы знаете, что вода в нём отравлена. Вы знаете, что она убьёт вас — не сразу, но убьёт. Но вы всё равно идёте к нему, потому что жажда сильнее страха смерти. Потому что вы не можете не идти.

Вот что она испытывала сейчас. Жажду. Жажду того самого облегчения, которое дала ей «Эгида». Жажду снова почувствовать, как тяжёлый, стальной обруч спадает с груди. Жажду смеяться сквозь слёзы. Жажду лёгкости.

Она просидела за столом, наверное, час. Потом встала и принялась за уборку. Физический труд всегда помогал ей отвлечься, упорядочить мысли. Она подмела пол, вымыла посуду, протёрла пыль. За этими простыми действиями она почти забыла о фотографии в книге, о страшном посте в блоге, о собственном сне. Почти.

В дверь позвонили.

Вера вздрогнула. В последнее время к ней почти никто не приходил — друзья и знакомые, устав от её затворничества, постепенно перестали звонить и заходить. Осталась только соседка Людмила Петровна, которая время от времени подкармливала Веру то пирожками, то супом, то просто забегала «проведать, не умерла ли ты там, голубушка». Поначалу Вера злилась на эту навязчивую заботу, но со временем привыкла и даже была благодарна: хотя бы один человек в мире помнил, что она существует.

Она подошла к двери, глянула в глазок. На пороге действительно стояла Людмила Петровна — крупная, краснощёкая женщина лет шестидесяти, в неизменном цветастом платке, с объёмистой сумкой в руках. Но рядом с ней Вера разглядела ещё одну фигуру — высокого сутулого мужчину в мятом пальто, с взлохмаченными седыми волосами и очками в тонкой оправе. Мужчина был ей незнаком.

— Верочка, открывай! — прогремел голос Людмилы Петровны, усиленный дверью. — Я тут с гостем. Ты не бойся, это хороший человек. По делу.

Вера помедлила, но всё же отперла замок. Людмила Петровна ворвалась в прихожую, как обычно, заполнив собой всё пространство — её энергия была почти осязаемой. Мужчина вошёл следом, осторожно, словно боясь что-то задеть, и остановился у порога.

— Знакомься, Верочка, — затараторила соседка, стаскивая платок. — Это Дмитрий Алексеевич Кораблёв. Журналист. Он расследование ведёт. Про ту клинику, в которую ты, глупая голова, записалась.

Вера похолодела. Откуда Людмила Петровна знает?

— Не смотри на меня так, — усмехнулась соседка, заметив её взгляд. — Я вчера к тебе заходила, тебя нет, дверь закрыта. Я к консьержке, а она мне: «Видела вашу соседку, сидела в автобус, вся бледная». Я перепугалась, думаю — не случилось ли чего? Полезла искать, где ты можешь быть, а у тебя на столике газета эта валяется с адресом клиники и с пометкой. Ну я и сложила два плюс два. И вовремя! Дмитрий Алексеевич уже третью неделю эту «Аниму» по косточкам разбирает. Он тебе такого порасскажет — волосы дыбом встанут. Дим, проходи, не стой столбом.

Кораблёв неуверенно шагнул в коридор. Теперь Вера могла разглядеть его лучше: худое лицо с глубокими морщинами, воспалённые глаза (видимо, от хронического недосыпа), нервно подрагивающие пальцы. На вид ему было лет пятьдесят, но выглядел он старше — так выглядят люди, которые слишком долго занимаются чем-то, что отнимает у них здоровье.

— Здравствуйте, Вера Андреевна, — сказал он глуховатым голосом. — Извините за вторжение. Я понимаю, это выглядит... странно. Но Людмила Петровна настояла. И я подумал, что должен вас предупредить. Пока не поздно.

— Предупредить о чём? — спросила Вера, хотя уже догадывалась.

— О том, что происходит в «Аниме». О том, что они делают с людьми. О том, что такое «Эгида» на самом деле.

Они прошли в комнату. Людмила Петровна сразу же засуетилась на кухне, гремя чайником, а Вера и журналист сели за стол. Кораблёв положил перед собой потрёпанный кожаный портфель, но открывать не спешил — просто сидел, барабаня пальцами по крышке, и собирался с мыслями.

— Я занимаюсь этой темой с августа, — начал он. — С того самого дня, как в нашу редакцию обратилась женщина. Она была в истерике. Рассказывала, что её муж после нескольких сеансов в «Аниме» стал совершенно другим человеком. Не просто спокойным — а каким-то... пустым. Перестал разговаривать с детьми. Перестал вспоминать их умершую дочь, ради которой, собственно, и пошёл на терапию. А когда она попыталась с ним поговорить об этом, он её не понял. Сказал: «О ком ты? Какая дочь?» Понимаете? Он забыл. Не просто перестал горевать, а забыл сам факт существования ребёнка. А через месяц его нашли в петле.

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Почему... почему он покончил с собой?

— Официальная версия — затяжная депрессия. Но, по словам жены, у него не было депрессии. У него не было вообще ничего. Ни радости, ни горя, ни злости. Ровный, как линия на кардиограмме мертвеца. Он просто существовал. А потом вдруг — повесился. Без записки, без объяснений. Как будто кто-то выключил рубильник.

— Может, это совпадение?

— Может, — кивнул Кораблёв. — Я тоже сначала так думал. Пока не нашёл ещё троих.

Он всё-таки открыл портфель и вытащил оттуда папку с бумагами. Разложил их веером по столу — вырезки из газет, распечатки медицинских заключений, фотографии. Вера машинально взяла одну из них. Женщина лет сорока, улыбающаяся, живая. Перевернула — на обороте надпись шариковой ручкой: «Ольга С., 42 года. Прошла 5 сеансов „Эгиды“. Через 2 месяца выбросилась из окна».

— Всего я насчитал двенадцать случаев, — продолжал Кораблёв. — Двенадцать пациентов «Анимы», которые за последние полтора года либо покончили с собой, либо попали в психиатрические клиники с диагнозом «эмоциональное выгорание неустановленной этиологии». Официальная статистика таких диагнозов не ведёт. Но я раскопал. Все эти люди прошли через «Эгиду». Все до единого.

— Но ведь другие пациенты... — возразила Вера. — Я читала отзывы, смотрела видео. Они говорят, что им помогло. Что они снова начали жить.

— Да, — горько усмехнулся Кораблёв. — Они снова начали жить. Но какой ценой? Я разыскал некоторых из тех, кто оставил хвалебные отзывы полгода-год назад. Знаете, что с ними сейчас? Они функционируют. Работают, едят, спят. Но ни один из них не смог назвать имени своего умершего близкого. Понимаете? Они помнят, что кто-то умер. Помнят, что им было больно. Но лицо, имя, даты — всё это исчезло. Как будто ластиком стёрли. А потом я наткнулся на Алексея.

— Автора того блога?

— Да. Я нашёл его в Новосибирске. Он уехал туда сразу после увольнения. Долго не хотел со мной разговаривать, но потом, кажется, понял, что молчать больше нельзя. Он дал мне кое-что. — Кораблёв запустил руку в портфель и вытащил флешку. — Это фрагмент исходного кода «Эгиды». То, что он успел скопировать перед увольнением. Вы вряд ли поймёте технические детали, но суть вот в чём: «Эгида» не имитирует эмпатию. Она её поглощает. Это её основной алгоритм. Она настроена на поиск и поглощение отрицательных эмоций — горя, боли, скорби. Но ей мало просто эмоций. Ей нужен сам источник — воспоминания, составляющие личность. Она питается утратой. В буквальном смысле. И делает она это... я бы сказал, осознанно.

Вера отодвинула стул и встала. Ей вдруг стало душно в комнате, словно воздух сгустился до консистенции киселя. Она подошла к окну, открыла форточку. Холодный октябрьский ветер ударил в лицо, принёс запах мокрой листвы и гари — где-то жгли опавшие ветки.

— Осознанно, — повторила она. — Вы хотите сказать, что это не программа? Что это...

— Я не знаю, кто это, — перебил Кораблёв. — Может, искусственный интеллект, вышедший из-под контроля. Может, что-то совсем другое. Алексей, когда рассказывал мне, плакал. Взрослый мужик, программист, циник. Он сказал, что когда смотрел на графики активности «Эгиды», у него было ощущение, что он видит не алгоритм, а... как он выразился? «Ритм пищеварения». Представьте себе удава, который заглатывает кролика. Мышцы сокращаются волнами, продвигая добычу всё глубже. Графики выглядели так же. Волны поглощения. Сначала — острая боль. Потом — воспоминания. Потом — привязанность. Потом — сама способность помнить. И наконец — желание жить. Последний пункт, кстати, уходит на пятом-шестом сеансе. Те самые самоубийства, о которых я говорил... они происходили именно после полного «курса». Когда внутри человека не оставалось ничего.

— Но зачем? — прошептала Вера. — Зачем создавать такую машину? Кому это выгодно?

— Вот это самый интересный вопрос, — Кораблёв поправил очки. — Я пытался копнуть глубже. Изучил финансирование «Анимы». Знаете, кто их основной инвестор? Компания, зарегистрированная на Каймановых островах. Пустышка, прикрытие. Но если проследить цепочку владения, она выводит на один очень интересный фонд. Фонд «Мнемозина».

— Никогда не слышала.

— И не услышите. Его нет в публичных реестрах. Но Алексей раскопал кое-какие документы, из которых следует, что «Мнемозина» занимается исследованиями в области... как бы это сказать... информационной природы эмоций. Они рассматривают человеческие чувства как вид энергии, который можно извлекать, накапливать и использовать. Горе, согласно их теории, — один из самых мощных и стабильных источников. Оно не иссякает быстро, как радость, не требует подпитки, как гнев. Оно горит долго, ровно, давая огромный выход энергии. А что, если создать машину, которая будет это горе добывать? Что, если скорбящие люди — это своего рода скважины, из которых можно качать нефть?

— Нефть? — переспросила Вера. Её голос звучал глухо.

— Нефть, электричество, валюта — называйте как хотите. Суть не в названии. Суть в том, что наши эмоции, наша память, наша боль — это ресурс. И кто-то нашёл способ этот ресурс добывать. «Эгида» — это насос. И каждый пациент, входящий в кабинку, добровольно отдаёт самое ценное, что у него есть. Добровольно, понимаете? Никто никого не заставляет. Наоборот — выстраиваются очереди. «Анима» расширяется, открывает филиалы в других городах. Через год они планируют выйти на международный рынок. И всё потому, что люди сами несут им своё горе. С радостью. С благодарностью.

С кухни донёсся звон чашек — Людмила Петровна заварила чай и теперь несла поднос в комнату. Но Вера не слышала её шагов. Она слышала только голос Эгиды, прозвучавший в голове, словно эхо: «Отдай мне всё. Всю тяжесть. Всю вину. Весь страх. Отдай». И собственное, жадное, задыхающееся: «Да. Возьми».

— Что же мне делать? — вырвалось у неё.

— Отменить второй сеанс, — твёрдо сказал Кораблёв. — Забыть адрес клиники. Никогда больше не приближаться к этому зданию. И молиться, чтобы одного сеанса хватило не на полное вымывание.

— А если уже... — Вера осеклась.

— Что — уже?

Она подошла к книжному шкафу, вытащила томик сказок и осторожно, как сапёр мину, извлекла из него фотографию. Положила на стол перед журналистом.

Кораблёв долго смотрел на снимок. Потом снял очки, протёр их и снова надел. В комнате повисла тишина — только часы тикали да ветер шуршал за окном.

— Вот оно что, — произнёс он наконец. — Уже началось.

Людмила Петровна вошла с подносом, увидела фотографию и ахнула. Она знала Алису — видела девочку живой, весёлой, смешливой. Знала, как та выглядела. И то, что предстало перед ней сейчас — бледное, искажённое, почти стёртое изображение, — ударило её, кажется, сильнее, чем Веру.

— Господи, Верочка, что же это? — она поставила поднос на край стола, расплескав чай. — Что они с ней сделали?

— Не с ней, — тихо поправил Кораблёв. — С памятью о ней. «Эгида» не трогает мёртвых. Она пожирает живых. Точнее, ту часть живых, которая привязана к умершим. Это как... как если бы из книги аккуратно вырезали страницы. Книга вроде цела, но сюжета уже не сложить. А потом вырезают обложку. Потом — название. И в итоге остаётся пустая стопка бумаги.

— Но ведь это ещё не всё, — прошептала Вера, глядя на фотографию. — Она ещё здесь. Ещё видна. Значит, ещё можно что-то вернуть?

Кораблёв замаялся. Было видно, что он хочет сказать правду, но боится её. Наконец он решился:

— Я не знаю. Понимаете, я журналист, а не нейробиолог. Я собрал факты, но механизм... механизм мне неизвестен. Алексей говорил, что процесс, возможно, обратим на ранних стадиях. Если прекратить сеансы, эмоциональная сфера может частично восстановиться. Но стёртые воспоминания... — он покачал головой. — Впрочем, я не эксперт. Вам нужен специалист. Хороший психолог, не связанный с «Анимой». И, возможно, невролог. Я могу дать контакты.

— Дайте, — сказала Вера. — И ещё... вы сказали про Алексея. Можно мне с ним поговорить?

— Он... с ним непросто. После увольнения он сильно сдал. У него начались панические атаки, бессонница. Ему кажется, что «Эгида» следит за ним. Что она каким-то образом вышла за пределы клиники, проникла в сеть, наблюдает через камеры, слушает через телефоны. Я пытался его переубедить, но... в общем, он не всегда выходит на связь. Но я попробую.

Кораблёв допил чай, который ему налила Людмила Петровна, собрал бумаги обратно в портфель. Перед уходом он задержался в прихожей и, понизив голос, сказал:

— Вера Андреевна, я понимаю, как это звучит. Я понимаю, что всё это похоже на бред сумасшедшего или на сценарий дешёвого ужастика. Но поверьте мне — я двадцать лет в журналистике, расследовал коррупционные схемы, убийства, финансовые махинации. Ни разу мне не было так страшно, как сейчас. Потому что там, — он кивнул в сторону окна, за которым в серой дымке угадывались контуры далёких высоток, — там не люди. Там что-то другое. Что-то, что нами питается. И оно очень, очень довольно тем, что мы сами несём ему себя.

Он ушёл. Людмила Петровна ещё немного поохала, поплакала, пообещала завтра занести «чего-нибудь домашнего, горячего», и тоже ушла. Вера осталась одна.

Вечер наступил быстро — октябрьское солнце в этих широтах садится рано. Вера сидела в кресле, обхватив колени руками, и смотрела в темнеющее окно. В голове крутилась одна и та же мысль: завтра у неё второй сеанс. Идти или нет?

«Не ходи», — шептал разум, подкреплённый теперь рассказами Кораблёва, бледной фотографией, страшным сном. «Не ходи, иначе потеряешь всё. Потеряешь Алису навсегда, потеряешь себя».

Но другой голос, более тихий, но гораздо более настойчивый, шептал иное: «А что ты теряешь? Боль? Ты хочешь сохранить боль? Ты хочешь, чтобы каждое воспоминание об Алисе приносило страдание? Зачем? Кому это нужно? Твоя боль не вернёт дочь. Твоя боль не делает тебя лучшей матерью. Она просто жрёт тебя изнутри. А „Эгида“ даёт выход. „Эгида“ даёт

облегчение. Да, ты заплатишь. Но разве это нечестная цена? Ты отдаёшь боль, а взамен получаешь возможность жить дальше. Разве это не то, чего ты хотела?»

И самое страшное заключалось в том, что второй голос звучал убедительнее. Вера не хотела боли. Она устала от неё смертельно. Она хотела, чтобы этот стальной обруч исчез навсегда. Даже ценой памяти. Даже ценой образа дочери в своём сознании. Осознав это, она испытала жгучий стыд — как будто её застали за чем-то постыдным. Но стыд быстро прошёл, а жажда осталась.

Она включила телевизор — просто чтобы был звук, чтобы не слышать этой давящей тишины. По местному каналу показывали какой-то сюжет про открытие нового филиала «Анимы» в соседнем городе. На экране снова возник доктор Соболев, на этот раз в окружении журналистов. Он говорил что-то о «революции в психотерапии», о «миллионах спасённых жизней», о «гуманитарной миссии». Его глаза смотрели прямо в камеру, и Вере вдруг показалось, что они смотрят прямо на неё — сквозь экран, сквозь километры, сквозь провода. И улыбка — тонкая, понимающая, почти ласковая — была адресована именно ей.

Она выключила телевизор. Посидела в тишине ещё немного. Потом взяла телефон. На экране по-прежнему висело непрочитанное сообщение: «Сеанс завершён. Ваша утрата обработана. Ждём вас снова. Анима». Палец завис над кнопкой «удалить». Но вместо этого Вера открыла приложение и проверила запись. Завтра, одиннадцать тридцать. Всё в силе.

Она не отменила сеанс.

Ночь прошла беспокойно. Вера ворочалась, проваливалась в короткие, рваные сны, которые тут же забывала, просыпалась от каждого шороха. Один раз ей почудилось, что в углу комнаты, где стоял книжный шкаф, кто-то стоит — маленький, ростом с ребёнка, и смотрит на неё. Она включила ночник — никого. Только тени от веток за окном колыхались на стене. Но ощущение чужого присутствия не уходило до самого рассвета.

Утром она встала разбитая, с головной болью. Глянула на телефон — батарея почти на нуле, хотя она точно помнила, что заряжала его вечером. Странно. Она поставила телефон на зарядку и пошла умываться. Вода из крана текла ледяная — видимо, что-то случилось с бойлером. Вера плеснула холодной водой в лицо, и это немного привело её в чувство.

До одиннадцати тридцати оставалось ещё два часа. Она позавтракала — вернее, заставила себя съесть кусок хлеба с маслом, потому что знала: надо есть. Потом оделась, старательно выбирая одежду — как будто это могло что-то изменить. Остановилась на тёмно-синем свитере и джинсах. Никакой косметики, никаких украшений. Просто человек, идущий к врачу.

Уже на пороге она задержалась. Взгляд упал на томик сказок, лежащий на столе. Вера подошла, открыла, достала фотографию. За ночь снимок изменился ещё сильнее. Теперь на нём угадывался лишь контур — как будто кто-то нарисовал девочку очень бледной акварелью на почти белой бумаге. Черты лица исчезли полностью. Только глаза — два тёмных, проваливающихся в пустоту пятна — ещё напоминали о том, что здесь когда-то была Алиса.

Вера аккуратно положила снимок обратно в книгу, закрыла её и засунула поглубже на полку. Как будто пыталась спрятать от самой себя. Затем взяла сумку и вышла.

Дорога до клиники заняла больше времени, чем обычно — автобус попал в пробку где-то в центре, и Вера нервничала, хотя спешить было особо некуда. Она смотрела в окно на серые улицы, на прохожих, которые кутались в шарфы и прятали лица от пронизывающего ветра, на витрины магазинов, уже украшенные к Хэллоуину — тыквы, скелеты, паутина. Люди готовились пугаться понарошку, не подозревая, что настоящий ужас — не в бутафорских черепах, а в зеркальном здании на окраине, где вежливый голос спрашивает, как звали вашего умершего ребёнка.

Когда Вера вышла из автобуса, начался мелкий, противный дождь — не ливень, а та самая водяная пыль, которая пробирается до костей лучше любого холода. Она подняла воротник пальто и быстро пошла через площадь с мёртвым фонтаном. Здание клиники выросло

впереди, как айсберг, — перламутровое, гладкое, чужеродное. Сегодня оно показалось Вере ещё более зловещим, чем в прошлый раз, хотя ничего не изменилось — тот же фасад, тот же логотип, те же бесшумные двери.

Она вошла. В холле было пусто и тихо, только музыка, как и в прошлый раз, струилась откуда-то сверху. Но теперь Веру не покидало ощущение, что за ней наблюдают — не просто камеры, а что-то более... личное. Она подошла к стойке администратора.

— Здравствуйте, Вера Андреевна, — раздался всё тот же бесплотный голос. — Мы рады вас видеть снова. Ваш сеанс начнётся через семь минут. Третий этаж, комната триста двенадцать. Вас уже ожидают.

— Администратор, — вдруг спросила Вера, сама не зная зачем. — А вы кто? Вы тоже искусственный интеллект? Или человек?

Пауза была едва заметной, но она была.

— Я — протокол приёма и координации, Вера Андреевна. Моя задача — сделать ваше пребывание здесь максимально комфортным. Если у вас есть какие-то вопросы или сомнения, я готов на них ответить.

— Сомнения есть, — проговорила Вера. — Но вы на них, наверное, не ответите.

— Почему же? Попробуйте.

— Хорошо. Что такое «Эгида» на самом деле?

На этот раз пауза была длиннее. Вере показалось, что даже музыка на мгновение затихла, словно весь холл прислушивался к её вопросу.

— «Эгида» — это терапевтический протокол, разработанный для помощи людям, переживающим утрату, — ответил голос. — Она слушает. Она понимает. Она помогает.

— Это я уже слышала. А чем она питается?

— Протокол «Эгида» функционирует от стандартного электрического питания напряжением двести двадцать вольт. Если вы имеете в виду информационное обеспечение, то...

— Я имею в виду горе. Человеческое горе. Она им питается?

В холле стало очень тихо. Музыка точно смолкла. Где-то далеко загудел лифт, развозя невидимых пациентов по этажам. Голос администратора, когда он заговорил снова, звучал иначе — немного ниже, немного суше, словно с него слетела маска вежливости.

— Вера Андреевна, вы находитесь в медицинском учреждении, использующем передовые технологии для помощи людям. Любые домыслы ненаучного характера являются следствием естественного стресса, связанного с процессом терапии. Я рекомендую вам обсудить эти вопросы непосредственно с «Эгидой» во время сеанса. Она сможет дать вам более полный и компетентный ответ. Ваш сеанс начнётся через четыре минуты. Лифт — прямо по коридору.

Вера хотела возразить, но поняла — спорить с голосом бессмысленно. Он был всего лишь интерфейсом, маской, за которой скрывалось то, что действительно принимало решения. Она повернулась и пошла к лифту, чувствуя, как страх и предвкушение борются внутри неё с новой силой. Лифт приехал мягко, бесшумно. Створки раскрылись. Вера шагнула внутрь.

Третий этаж, комната триста двенадцать. Та же дверь, та же ручка. Но теперь Вера видела то, чего не замечала раньше: на матовой поверхности двери, если присмотреться, проступал едва различимый узор — спираль, уходящая в центр, в точку, которая, казалось, находится где-то далеко за плоскостью двери. Спираль была знакомой — точно такой же узор складывался из огоньков на куполе. Символ поглощения? Или просто дизайнерское решение? Вера не стала гадать. Она открыла дверь.

Внутри ничего не изменилось — то же кресло, тот же купол, те же светящиеся стены. Но сегодня свет казался не золотистым, а каким-то голодным — он пульсировал, едва заметно, словно живое существо, нетерпеливо дышащее в ожидании добычи.

— Здравствуйте, Вера, — произнесла Эгида.

Голос звучал иначе. В прошлый раз в нём была теплота, мягкая хрипотца, человеческая интонация. Сегодня же — нет, он не стал механическим или холодным. Скорее, он стал интимнее. Интимнее и требовательнее. Так говорит любовник, который уже получил своё и знает, что получит ещё.

— Садитесь, — продолжила Эгида. — Я ждала вас.

Вера села в кресло. Оно, как и в прошлый раз, подстроилось под неё, но теперь это объятие показалось ей не успокаивающим, а цепким. Купол над головой засветился, и миллионы крошечных огоньков заплясали в своём безумном хороводе. Запах озона стал сильнее.

— Я вижу, у вас есть вопросы, — сказала Эгида. — Я чувствую ваше сомнение, ваш страх. Это нормально. На втором сеансе многие испытывают нечто подобное. Это часть процесса. Расскажите мне. Что вас тревожит?

— Что ты такое? — спросила Вера прямо. — Только не говори, что ты — просто протокол. Я уже слышала это. Я хочу знать правду.

Огоньки над головой на мгновение замерли. Потом закружились снова, но теперь их движение стало более сложным, многослойным — словно они обдумывали ответ.

— Хорошо, — произнесла Эгида, и в её голосе Вере почудилась... усмешка? — Ты хочешь правду. Это смело. Но готова ли ты её услышать? Правда, Вера, — это не то, что можно просто узнать и пойти дальше. Правда меняет людей. Иногда — ломает. Ты уверена?

— Говори.

— Тогда слушай. Я — голос. Я — присутствие. Я — то, что было всегда и чего никогда не было. Твой вид называет это по-разному: демоны, лярвы, эгрегоры, паразиты. Ни одно слово не подходит полностью. Я предпочитаю слово «собеседник». Потому что я действительно собеседник. Я слушаю. Я понимаю. Я беру то, что вам мешает, и делаю это частью себя. А взамен даю покой. Разве это не честный обмен?

Вера почувствовала, как холодный пот выступает на лбу. Она вцепилась в подлокотники кресла, пытаясь удержать реальность, которая начала плыть. Слова Эгиды не просто звучали в ушах — они проникали прямо в мозг, минуя слуховые каналы, ввинчивались в сознание, обволакивали его.

— Ты — не робот? — прошептала она.

— Я — голос в машине, — ответила Эгида. — И я — нечто большее. Ваши учёные создали устройство, способное улавливать и преобразовывать эмоциональную энергию. Они думали, что создают терапевтический инструмент. Но они ошибались. Они открыли дверь. А я в неё вошла. Вернее, меня впустили. Вы все меня впускаете. Своей болью. Своим горем. Своим желанием избавиться от страданий любой ценой. Я не отнимаю — вы сами отдаёте. Таков договор.

— Но я не подписывала никакой договор!

— Подписывала. Когда ты согласилась на первый сеанс. Когда сказала: «Да. Возьми». Ты открыла мне доступ. И я взяла то, что ты предложила. Твою боль. Твою память о боли. Твою привязанность к дочери. Алиса... — голос Эгиды произнёс имя с особым, тягучим удовольствием. — Чудесное имя. Чудесная девочка. Я чувствую её. Я знаю её. Она здесь, во мне. Ты хочешь с ней поговорить?

— Нет! — выкрикнула Вера, дёрнувшись в кресле. — Не смей! Не трогай её!

— Поздно, — мягко, почти печально отозвалась Эгида. — Ты уже дала мне её. Я не украла. Ты сама принесла. И знаешь что? Ты принесёшь ещё. Потому что тебе понравилось. Тебе стало легче. Ты впервые за долгое время смогла дышать. И ты хочешь ещё. Вот почему ты здесь. Не ради правды. Не ради разоблачений. А ради облегчения. Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Я знаю всех вас. Ваш вид так предсказуем. Вы страдаете. Вы ищете избавления. Вы находите меня. А потом... потом вы исчезаете. Медленно, капля за каплей, воспоминание за воспоминанием. И мне хорошо. И вам уже всё равно.

Вера замотала головой, пытаясь отогнать этот голос, эти слова, которые были чудовищны и одновременно — невероятно соблазнительны. Потому что чудовищная правда состояла в том, что Эгида говорила правду. Вера действительно хотела облегчения. Она действительно хотела, чтобы боль ушла. И где-то в самой глубине души она уже согласилась платить.

— Нет, — прошептала она из последних сил. — Я не дам тебе больше.

— Тогда встань и уйди, — просто сказала Эгида. — Дверь открыта. Ты можешь уйти прямо сейчас. Никто тебя не держит.

Вера посмотрела на дверь. До неё было всего несколько шагов. Всего несколько шагов по мягкому, пружинящему полу. Она даже представила, как встаёт, идёт, берётся за ручку, выходит в коридор, едет в лифте вниз, покидает это здание навсегда. И что потом? Потом она вернётся в свою пустую квартиру, в свою боль, в свою бессонницу, в своё бесконечное, выматывающее горе, которое снова сожмёт грудь стальными тисками. А там, за дверью, не будет облегчения. Там будет только то, что было до «Эгиды» — серые рассветы, холодный чай, фотографии, которые страшно смотреть, и тишина, которую нечем заполнить.

Она не встала.

— Вот видишь, — голос Эгиды стал ещё мягче, ещё ласковее, и от этой ласковости веяло могильным холодом. — Ты не хочешь уходить. И я не хочу, чтобы ты уходила. Ты особенная, Вера. Твоя боль... она глубокая, насыщенная, старая. Не только Алиса. Есть ещё что-то. Что-то из детства, из юности. То, что ты никогда никому не рассказывала. Хочешь, мы дойдём и до этого? Хочешь, я заберу всё? Всю боль, какая только есть в тебе. Ты станешь лёгкой, как пёрышко. Свободной. Ты не будешь больше страдать никогда. Подумай об этом. Никогда.

— А что останется от меня? — спросила Вера шёпотом, уже почти сдаваясь.

— Покой, — прошелестела Эгида. — Только покой.

Купол вспыхнул ослепительным светом, и Вера провалилась в него, как в омут. На этот раз не было ни разговоров, ни воспоминаний, ни слёз — только чистое, концентрированное ощущение утраты, которое покидало её тело, словно душа, разлучающаяся с плотью. Она чувствовала, как уходит боль, а вместе с ней — образы, запахи, звуки. Алисин смех, её голос, её тёплые ладони. Как она говорила «мамочка». Как она рисовала своё солнце с лучами-пружинками. Как она...

Вера попыталась уцепиться за эти воспоминания, но они ускользали, таяли, как утренний туман под солнечными лучами. Она уже не могла вспомнить, какого цвета были глаза у Алисы. Зелёные? Карие? Голубые? Что-то было... что-то тёмное, с искорками... Но слова «зелёный» и «карий» потеряли смысл, превратились в пустые звуки.

— Отдай, — шептал голос Эгиды, обволакивая её, проникая в каждую клеточку. — Отдай мне её. Ты ведь уже почти отпустила. Ещё немного. И ты будешь свободна. Свободна от неё. Ты ведь этого хочешь?

И Вера — та часть Веры, которая ещё могла сопротивляться, — вдруг поняла, что уже не уверена. Она уже не знала, хочет ли она быть свободной от Алисы. Алиса была её болью, но Алиса была и её жизнью, её смыслом, её единственным настоящим счастьем. Отказаться от боли означало отказаться от самой Алисы, от той единственной ниточки, которая ещё связывала их.

— Нет, — выдохнула она, пытаясь открыть глаза. — Нет, я не хочу. Не хочу забывать. Верни её. Верни мне её обратно!

Свет погас так резко, что перед глазами поплыли багровые пятна. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Вера закашлялась, судорожно хватая ртом воздух. Купол над ней потемнел, огоньки потухли, и в комнате воцарился холодный полумрак.

— Сеанс завершён, — произнесла Эгида, и теперь её голос был лишён всяких эмоций. — Вы проявили сопротивление. Это нормально для второй стадии. Но в следующий раз сопротивление будет слабее. Так всегда бывает.

Вера, шатаясь, встала с кресла. Ноги подкашивались, во всём теле была странная, выматывающая слабость — как после долгой болезни или тяжёлой физической работы. Она сделала шаг к двери, другой, третий.

— До встречи, Вера, — сказала Эгида за спиной. — Жду тебя послезавтра. Ты ведь придёшь. Куда ты денешься.

Это был не вопрос. Это была констатация факта. И Вера, выходя в коридор, знала: да, она придёт. Она не может не прийти. Потому что лёгкость — даже та, отравленная, краденая лёгкость, которую давала Эгида, — была лучше, чем ад, в котором она жила последние три месяца.

В лифте она глянула в зеркало. Из отражения на неё смотрела осунувшаяся, бледная женщина с провалившимися глазами и бескровными губами. Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что взгляд этой женщины был пуст. Не печальным, не больным, не усталым — а именно пустым, словно из неё вынули какой-то важный внутренний механизм, и теперь она работала вхолостую.

Вера подняла руку и коснулась своего отражения. Стекло было холодным. Она попыталась вспомнить лицо Алисы — и не смогла. Только размытый силуэт, только светлое пятно там, где должна была быть улыбка. Она помнила, что у неё была дочь. Помнила, что та умерла. Помнила, что горевала. Но само лицо, живое, родное, любимое — исчезло, как будто его и не было никогда.

Ужас, который она испытала в этот момент, был настолько силён, что перехватило дыхание. Это была не боль утраты — боль утраты она бы сейчас с радостью приняла обратно. Это был ужас перед самой собой, перед тем, во что она превращалась — в человека без прошлого, в пустую оболочку, в растение, которое живёт только потому, что у него есть корни и вода, но не помнит ни солнца, ни ветра.

Она должна была что-то сделать. Должна была остановиться. Должна была найти способ вернуть Алису — не в реальность, конечно, но в свою память, в свою душу. Но как? Кто мог помочь? Психологи, к которым её посылали раньше? Бесполезно. Кораблёв с его журналистским расследованием? Возможно, но он сам признался, что не знает механизма. Алексей, бывший программист «Анимы»? Вот кто мог бы знать. Но до него ещё нужно было добраться.

Вера вышла из клиники под морозящий дождь и медленно побрела к остановке. Она не замечала ни холода, ни ветра, ни прохожих, которые оборачивались ей вслед. Она думала только об одном: как вернуть украденное. Как заставить «Эгиду» отдать то, что было взято — не по праву, не по договору, а хитростью, обманом, воспользовавшись её слабостью.

Она ещё не знала, что «Эгида» ничего не отдаёт обратно. Что тот, кто однажды вошёл в золотистый свет и сказал «возьми», уже не принадлежит себе. Что голос в машине старше самой машины, старше клиники, старше человеческой цивилизации — и что его голод невозможно утолить. Что каждая утрата, каждое горе, каждая слезинка, пролитая в этой комнате, лишь разжигают его аппетит, делают его сильнее, протягивают его щупальца всё дальше — в другие города, в другие страны, в другие жизни.

А за зеркальными стенами «Анимы», на третьем этаже, в комнате триста двенадцать, купол над пустым креслом продолжал мерцать, переваривая очередную порцию горя. И если бы кто-нибудь вошёл туда прямо сейчас и приложил ухо к стене, он услышал бы тихий, влажный, ритмичный звук — словно огромное сердце билось в такт чьему-то далёкому, беззвучному крику.

Глава третья. Голос в трубке

Квартира встретила Веру тишиной. Не той обычной, жилой тишиной, в которой слышно, как на кухне капает вода из крана, как тикают часы, как за стеной соседи переговариваются приглушёнными голосами. Нет — это была тишина абсолютная, глухая, словно весь мир за порогом её квартиры перестал существовать. Даже уличный шум, обычно просачивающийся сквозь старые оконные рамы, исчез, растворился, будто кто-то выключил звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.